

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

Москва, Юля 5го дня 1829 года. Ценсоръ
Владимиръ Измайловъ.

Продается въ магазинѣ издателя Ивана Труха-
чева, въ домѣ Г. Шипова, близъ Никольскихъ

ВИДѢНІЕ ТУРЕЦКАГО СУЛТАНА

МАХМУДА II.

Уже блѣдно отражался послѣдній отсвѣтъ пошухающей зари на высокому спицу мечети Селимовой и на высокихъ минаретахъ Серая Султанскаго; уже Иманъ кончилъ пшую вечернюю молитву и унылыя жители Стамбула тихо возвращались въ дома. Шумная дѣятельность Апмейдана (1), верфи корабельной и дворца Махмудова прекратилась. Настала ночь. Махмудъ II въ богато вышитой фескѣ (2) скорыми шагами ходилъ по обширной залѣ своего Гарема; любимцы его съ трепетомъ стояли въ отдаленіи и молча поглядывали другъ на друга: на высокому челѣ Государя ихъ изображалась мрачность; то быстро подходилъ онъ къ картѣ развернутой и лежащей на драгоценномъ писменномъ столѣ: карта изображала Булгарію и прилежащія къ ней области; то скоро пробѣгалъ до-

песенія Великаго Визиря своего изъ Шумлы, и Пашей ихъ своихъ Азійскихъ областей; часто начиналъ онъ произносить невнятные приказанія, но они замирали некончанныя на устахъ его. Любимцы и Царедворцы безмолствовали.

„Россіяне гибнуть,“ сказалъ онъ наконецъ, разсматривая донесеніе Визиря. — „Великій Визирь мой доноситъ, что вскорости изгонитъ сихъ невѣрныхъ изъ предѣловъ моей монархіи, и что внесетъ огонь и мечь въ ихъ страны.“

„Да поможетъ тебѣ великій пророкъ нашъ, и да прославитъ онъ мечь твоя такъ, какъ прославилъ мечи предковъ твоихъ Амурама, сына его Магомеда и великаго Солимана!“ — воскликнули въ одинъ голосъ предстоящіе.

„— Повелѣваю,“ сказалъ Султанъ помолча нѣсколько, „завтра между первой и второй молитвы извѣститъ о славѣ войскъ нашихъ и о намѣреніи Великаго Визиря моего весь народъ и войско, и напомнитъ вѣрнымъ нашимъ Мусульманамъ, что впаденіе невѣрныхъ въ области Бога и великаго пророка нашего требуетъ опущенія.“ Съ симъ сло-

вошь Султанъ далъ знакъ, придворные удалились и *Капу-Агаси* проводилъ великаго Повелителя своего въ опочивальню (3).

Тихо прошекла ночь для жителей Констаншинопольскихъ. Сладокъ и безмятеженъ былъ сонъ бѣднаго поденщика, честнаго Кадія (4); нищенствующаго Дервиша (5) и мирнаго селянина; но Повелитель ихъ чуждъ былъ покоя: утомленный думами, лежа на мягкомъ ложѣ, окруженный тысячами пѣлохранителей, сомкнулъ онъ глаза, какъ ужасное видѣніе претворило великолѣпный дворецъ его въ пустынный необозримая степи Аравійскія, мягкія пуховики и ковры драгоценныя въ скалы и ущелія. Ужасенъ былъ сонъ его.

Еще ни одинъ лучъ восходящаго солнца не освѣщаль высокихъ спиць минаретныхъ; еще густая мгла непроницаемаго тумана лежала на Босфорскомъ проливѣ, какъ *Капу-Агаси* долженъ былъ отворить ворота Гарема и *Капиджи-Баши* (6) одинъ за другимъ выбѣгали въ оныя съ разными Султанскими повелѣніями. Все пришло въ смя-

мене: бѣгали, перешептывались, догадывалась, недоумѣвали, но никто не зналъ истинной причины тревоги. Любимцы Султана и знатнѣйшіе царедворцы съ трепетомъ ожидали той минуты, въ которую Махмудъ, Императоръ Турковъ, позоветъ ихъ; но ожиданіе ихъ на сей разъ было тщетно: къ Султану позваны были Великій Муфтіи (7), Придворный Астрологъ, *Капу-Агаси* и Селигдаръ (8); они пришли и двери опочивальни зашворились.

Долга ходила полуодѣтый Султанъ скорыми шагами по комнатѣ. Холодный потъ выступалъ на мрачномъ челѣ его крупными каплями. Муфтіи и призванные Чиновники въ безмолвіи ожидали грозныхъ по видимому приказаній своего Государя; но случилось напрошивъ: спокойно сѣлъ онъ на диванъ, далъ знакъ Муфтію приблизиться и началъ разговоръ свой такъ:

„Счастливъ тотъ Государь, которому подданные говорятъ истину. Надѣюсь, Великій Муфтіи, что ты, какъ служитель вѣры и достопочтенный истолкователь Алкорана, не захочешь

скрыть ее теперь отъ меня; дѣло такъ важно, что разрѣшеніе онаго должно быть превыше всѣхъ наградъ. Судьба, управляющая нашими дѣянiями, конечно ведетъ насъ по пути, уже предначертанному, и измѣнить путь сей никто изъ правовѣрныхъ не можетъ; но сія же самая судьба, одаривъ насъ разумомъ, предоставила намъ волю, съ помощію дара сего, постигать нѣкоторыя тайныя стези ея: это твое дѣло, мудрый Астрологъ! Я расскажу вамъ видѣніе, возмущившее покой мой въ ночь сію; одно воспоминаніе онаго заставляетъ меня трепетать.“ — „Повелитель правовѣрныхъ!“ возразилъ Муфшій, павъ къ ногамъ Государя: „тебѣ ли трепетать среди твоей столицы, среди твоего народа, среди непобѣдимаго твоего воинства? Мудрость, добродѣтель и любовь народная развѣ не ограждаютъ тебя отъ опасностей!“ — „Вѣрю“ прервалъ Султанъ, это голосъ лести, могъ бы я подумать, если бы не зналъ, что придерживаясь древнихъ обычаевъ, страшишься ты моей власти и могущества; но я повелѣваю тебѣ говорить мнѣ исти-

ну. Слушайте и отвѣчайте потомъ со всею истиною, какую великій пророкъ нашъ заповѣдалъ въ своемъ законѣ.

— „Я видѣлъ страшный сонъ,“ началъ Султанъ; „но нѣтъ, клянуся Кыб-лою (9) всего міра и священной судьбою всѣхъ праведныхъ Мослимовъ, это былъ не сонъ: глаза мои явственно различаютъ до сихъ поръ предметы и слухъ мой еще внятно поражается звуками бесѣдовавшихъ со мною. — Нѣтъ! это былъ не сонъ!“ — Тушъ Султанъ, вставъ съ дивана, прошелъ нѣсколько разъ по кабинету какъ бы желая успокоиться. — „Едва только“ — продолжалъ онъ — „лежъ я и думалъ, что благодѣтельный сонъ сомкнетъ мои рѣсницы, какъ вдругъ видѣлъ себя перенесеннымъ въ дикую пустыню, глаза мои видѣли необозримость неба и земли. Небо было прекрасно какъ въ весеннее утро, но земля, земля представляла ужасное зрѣлище: тамъ лежали груды костей; тамъ вверху корнями вырванныя деревья, здѣсь изсохшее озеро, тамъ пропасти; вихрь съ яростію клубясь воздымалъ столбы песку, словомъ, прекрасная земля наша имѣла

совершенный видъ разрушенія. Долго, казалось мнѣ, бродилъ я одинъ между скаль и пропастью, попиралъ ногами мои валяющіеся скелеты людей, мешки съ золотомъ, драгоценныя каменья; но нигдѣ не встрѣчалъ ни одного живаго творенія. Томимый сильною жаждою я искалъ воды и не находилъ ее. Въ отчаяніи дерзалъ уже я роптать на великаго пророка нашего, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою старца, покрышаго рубищемъ: видъ его былъ мраченъ. — „Сынъ мой!“ — сказалъ онъ мнѣ, подавая въ обломкѣ драгоценнаго сосуда воду, „ты хочешь пить; вотъ вода, ее не много, но я собиралъ ее три года и охотно даю тебѣ, пей!“ Съ жадностію выпилъ я воду и освѣжился. — Кто ты, незнакомецъ? спросилъ я старца; кто ты, благодѣтель мой? — Кто я! отвѣчалъ старецъ; сядемъ на этотъ камень; я расскажу тебѣ нѣчто такое, которое будетъ касаться и твоей участи. — Какъ, развѣ ты меня знаешь? — Могу ли не знать я Падишаха (то) Махмуда, сына Абдуль Гамидова? — Но кто ты, почтенный старецъ, скажи и объясни мнѣ гдѣ я? — Я Отшоманъ, сынъ Ортогрул-

ла. — Великій пророкъ! воскликнулъ я павъ къ ногамъ. — Встань, сынъ мой, говорилъ Опшаманъ поднимая меня и посадивъ на камень. Благодари великаго пророка, что онъ, приводя тебя въ сію юдоль истины, желаетъ научить тебя. Такъ! я Опшоманъ, и одинъ изъ предковъ твоихъ, который по благости Бога пользуется здѣсь свободою, тогда какъ другіе осужденные, спрдаюшъ въ нѣдрахъ земли — Великій Опшоманъ! не ужели это ты, котораго память прославляется Мослимами болѣе 5и въ ковъ (11), и котораго благость есть общее желаніе народа для cadaго изъ Султановъ? — Такъ, я! Нѣсколько добрыхъ дѣлъ, учиненныхъ мною въ жизни, доставили мнѣ многія выгоды предъ многочисленнымъ моимъ попомствомъ: cadaго изъ умершихъ Султановъ встрѣчалъ я и къ крайнему моему огорченію ни одного изъ нихъ не могъ удержать при себѣ. Правосудіе Бога осудило ихъ на мракъ неизвѣстности. Мнѣ предоставлено право по временамъ вызывать ихъ; но я не имѣлъ никогда нужды въ этомъ; нынѣ, для твоего вразумленія, я вызову нѣкто-

рыхъ изъ твоихъ предковъ. — О, отецъ мой! ты и теперь благотворишь также какъ въ мѣрѣ. — Благотворишь, сынъ мой, одинъ только Богъ, а мы и здѣсь и тамъ исполняемъ только долгъ нашъ въ разсужденіи нашихъ ближнихъ; но мѣрѣ имѣешь свои мѣрскія права, и наши добрыя дѣла и наша слава не всегда суть слава и добрыя дѣла. Судьбы непоспѣжимыя привели тебя сюда для важнаго вразумленія; ты желаешь видѣть твоихъ предковъ? похвальное желаніе! Бесѣда ихъ будетъ тебѣ поучительна; но прежде я долженъ спросить тебя: ты ведешь войну съ однимъ изъ могущихъ твоихъ сосѣдей? — Такъ, отецъ мой, противъ Россіи, которая *есть непримиримый врагъ народа Мусульманскаго и Оттоманской Порты* (12).

— Здѣсь, въ сей юдоли истины, слова *Хатъ Шерифа* не имѣютъ никакой силы; здѣсь требуется голосъ сердца; повѣдай мнѣ, точно ли Россія была и есть врагъ твой? и не ты ли самъ причиною пролитой съ обѣихъ сторонъ крови? — Я, помня твердо совѣты и опредѣленія Дивана, хотѣлъ повторить

всѣ слова моего Хашъ Шерифа, но къ удивленію моему языкъ мой не двигался. — И такъ, сказала Ояшоманъ, положивъ руку свою на мое сердце. — я пошчасъ получилъ употребленіе языка и такъ, сказалъ онъ: первый и важный вопросъ разрѣшенъ, не старайся оправдываться. Видишь ли ты сіе изсохшее озеро? — Такъ иссыхаетъ *надмѣнная килливостъ*: мы видимъ съ побою одно мѣсто, гдѣ было озеро!

— Но, отецъ мой, сказалъ я, мяшежи Грековъ... Не продолжай! ты Царь народа и своего и иноплеменнаго. Великій пророкъ нашъ, покоровъ скипштру твоему Грековъ, обязалъ тебя пещись о нихъ и не различать вѣры. Гоненія во всѣ времена укрѣпляли гонимыхъ, а не истребляли и не покоряли ихъ! — Но предки мои...

— Предки твои? прервалъ Ояшоманъ; я начну прямо съ сына моего Оркана: онъ первой изъ Сулшановъ напалъ на безсильныхъ Грековъ, расстроенныхъ междоусубными раздорами и началъ гоненіе. Видишь ли эту пустыню. Тѣнь его скитается здѣсь и не имѣетъ

мѣста успокоенія ; внукъ мой *Соллиманъ* первый ступилъ на берегъ Европы (13); имя его было славно ужасомъ , и великій пророкъ нашъ жестоко наказалъ его : ему не позволено никогда остав-лять нѣдръ земли и вѣроломство на вѣч-ныя времена начертало имя его на сво-ихъ скрижаляхъ. Послѣдующіе имъ по-шомки одинъ за другимъ болѣе и болѣе углублялись въ Европу , болѣе и болѣе погружали мечи свои въ крови Христи-анъ , въ крови подобныхъ имъ челове-ковъ. Увы! они не читали Исторіи. Не знали ни участи Аваровъ , ни участи Атиллы , и успливаясь въ Европѣ на черепахъ убіенныхъ ими , создали пре-столь своего владычества. Сынъ мой ! спрашайся ихъ участи. Магомедъ II, сынъ Амурата, ужасъ Европы, опіялъ у Хри-стіанъ болѣе 200 городовъ, взялъ сто-лицу ихъ Константинополь, но наслѣдія моего не сдѣлалъ благополучіе ; вѣр-мишь : *Атиллы* , *Тамерланы* и имъ по-добные , записавшіе имена свои кровію невинныхъ въ лѣтописяхъ міра , чужды истинной славы и неизвѣстны вели-кому нашему пророку. — Почти 200

лъшь какъ Турки начали вести войны прошивъ Россіи, и почти 200 лѣтъ неудачи сушь удѣлъ Мусульманъ. Сынъ мой! прочти, прочти со вниманіемъ лѣтопись прошедшаго вѣка и нынѣшняго, и глаза твои раскроются. Мечъ мой, который препоясываете вы при вступленіи на престоль, не есть мечъ завоеванія и гоненія, но мечъ защиты. Смотри какими ужасами наполнены листы Исторія Олтоманской Порты со времени вашихъ несправедливостей, со времени войнъ вашихъ съ Россією! Не уже ли опыты не научили васъ, не уже ли не знаешь ты, что крѣпокъ и покоенъ сонъ льва, но страшно и пагубно его пробужденіе и раздраженіе. — Скажи мнѣ, сынъ мой, когда и въ какую войну области твои не были позорищемъ войны? Когда и гдѣ одерживали Мусульмане побѣду надъ могущими сынами Сѣвера? Давно ли съ ужасомъ произносились въ Турціи имена Суворова, Румянцова, Каменскаго, Кутузова? И ты снова въ войнѣ, столь неравной? Уже ли печальный опытъ не научилъ еще Мусульманъ, что время

Опшоманской военной славы прошекло, и едва ли не безвозвратно: надлежать замѣнить ее другою славою — славою переобразования; ты началъ благое дѣло, началъ искоренять зло и предрасудки старины. Продолжай; но-спрашись огорчать несправедливостями могущаго со-сѣда. — Какъ! возразилъ я; Великій Опшоманъ, ты повелѣваешь своимъ по-шомкамъ, побѣдоноснымъ *Шегиншахамъ*, преклонишь колѣна предъ невѣрнымъ, предъ бывшими данниками могущесивен-наго Тимуръ Аксака и грознаго Ба-шья? — Нѣтъ, доколѣ солнце не пой-детъ отъ Запада къ Востоку, доколѣ рука моя владѣшь будетъ, доколѣ конь мой будетъ попирашь землю копытами, доколѣ булава моя не согнется какъ былинка пустынь Аравійскихъ, не уступлю Москвѣ, не уступлю Христіанамъ.....“

„— О! да продлитъ великій Алла жизнь твою правосудный Падишахъ!“ восклик-нули въ одинъ голосъ Муфшій, Селигдаръ и Капу-Агаси, павъ къ ногамъ Повели-теля. Мудрый Астрологъ споялъ покой-но, погруженный въ глубокую думу.

„Великій Оттоманъ,“ продолжалъ Махмудъ, „покойно выслушалъ возраженіе мое; потомъ спросилъ меня: гдѣ теперь Рускіе? — Близъ Шумлы, около Силистріи и въ Ахалцихъ. — Сколько ихъ? — Горсть противъ моего ополченія. И горсть принудила тебя уступить Браиловъ, Анапу, Варну и другія важныя мѣста твоего могущественнаго Государства? — Что дѣлать, шакова судьба войны; но съ помощію великаго пророка я надѣюсь собрать подъ священное знамя Магомета еще сильнѣйшее ополченіе и совершенно разбить сонмища невѣрныхъ: уже Великій Взирь мой стоить подъ крѣпостью *Праводы* и хочетъ взять ее. — Такъ, сыны мой, надѣялись и хотѣли свои предѣстники, но судьба войны въ рукъ Создателя міровъ, въ рукъ того. Кошорый держитъ вѣсы и измѣряетъ ими справедливостъ. Во всѣхъ войнахъ съ могущій Сѣверомъ, сыны Ислама теряли и славу и области; мечемъ Россіянъ сокрушенъ колоссъ величія и надмѣнности: Наполеонъ. Одного сего опыта уже достаточно для того, чтобы вразумить те-

бя объ истинномъ могуществѣ Россіи.
 Вѣрь мнѣ, времена Тимуровъ, Батыевъ
 миновались, и слава ихъ не почитается
 уже славою. Тебѣ предстоитъ другой
 путь и другой подвигъ неизмѣннаго
 величія: это путь кропости и под-
 вигъ переобразования древней системы
 твоего отечества. . . . Я вижу ли-
 це твое измѣнилось, жаръ честолю-
 бія рдѣетъ на твоихъ ланишахъ, огонь
 мести блискаетъ въ глазахъ твоихъ;
 тебѣ невнятны слова мои и шакъ, сынъ
 мой, смотри и не страшись. . . . —
 Въ одно мгновеніе поднялся сильный
 вихрь, земля подъ ногами моими запря-
 слась, воздухъ сгустился, вдали показа-
 лись толпами человѣческія фигуры и
 быстро пролетали они мимо меня кру-
 жась и завывая какъ воешь вътрѣ въ
 ущельяхъ неприступнаго *Гема* (14).
 Меня объялъ ужасъ, но великій Ошшо-
 манъ, копорога лице, дошолъ мрачное
 и смуглое, вдругъ прояснилось, держаль
 меня за руку и шихо говорилъ мнѣ: *не
 страшись!* — „Я Амуришь I, сказала
 мнѣ одна тѣнь, показывая глубокую ра-
 ну въ боку. Я побѣдилъ и плѣнилъ Ла-

заря, Царя Сербіи, мечь мой упитанъ кровію Христіанъ, и вотъ рана, нанесенная мнѣ однимъ умирающимъ Сербомъ; не мсти за меня: страшень мечь Христіанъ!“ — Тѣнь скрылась, но за нею принеслась шма другихъ окровавленныхъ и всѣ они проклинали *Амурата*. Такъ гоняюшся, сказалъ Отшоманъ, за тѣнію Амурата тѣни невинныхъ, имъ погубленныхъ, и не даюшь ему покоя. — За Амуратовою тѣнью являлись мнѣ тѣни другихъ Султановъ: побѣдоноснаго Магомеда II, Солимана Великаго, Махмуда I, отца моего Абдуль Гамида, Селима III, и каждую преслѣдовали окровавленные тѣни погубленныхъ ими, и каждая, припоминая исторію царствованія своего, убѣждала меня не идти по слѣдамъ ихъ, не навлекать погибели ошечеству ихъ и смириться предъ могущимъ Владѣтелемъ Сѣвера. Тѣни предковъ моихъ пронеслись, мракъ началъ рѣдѣшь, я думалъ, что все кончилось, но, къ ужасу моему, увидѣлъ предъ собою двѣ тѣни: лица ихъ блистали какимъ-то яркимъ свѣтомъ, на шеячь ихъ кругомъ видѣнь былъ большой кровавый ру-

бецъ. — „Махмудъ, сказала одна изъ нихъ, Богъ мститель позволилъ намъ предстать предъ тебя и вразумить тебя: я Владиславъ (15), а это Императоръ Константинъ; оба мы пали съ честью на полъ битвы отъ мечей Мусульманскихъ, оба мы были пошомъ обезглавлены; моя голова, воткнушая на копье, была выставлена на позорище въ *Брусь*, а голова Константина въ Царьградъ. Предки твои не почтили праха вѣнценосцевъ, праха падшихъ во брани; смотри: видишь ли это множество тѣней — это жертвы твоей надмѣнности, твоей жестокости, твоего славолюбія — это тѣни погубленныхъ тобою Грековъ. Ты отвращаешься, ты спрашишься грознаго лица ихъ; не бойся, здѣсь юдоль истины, а не юдоль боя; но страшись: у насъ есть мститель и знамена его развѣваютъ уже давно на швердыняхъ твоихъ; страшись, мечъ православнаго Царя Рускаго сокрушитъ твои гордыни.

Сокрушитъ гордыню Мусульманскую!
закричали тысячи голосовъ надъ голо-

вой моею. Я упалъ и проснулся, Вотъ видѣніе мое! Великій Муфшій, и ты мудрый Астрологъ должны разрѣшить мое сомнѣніе и располковать сіе чудное знаменіе.

Муфшій, простершись у ногъ своего Государя, началъ такъ:

Великій Шахъ и Повелитель могущественный! сонъ сей есть одна мечта пылкаго воображенія. Самъ Оттоманъ, котораго благость мы прославляемъ, не поступилъ бы благоразумнѣе себя въ семь дѣлъ; видѣніе тѣней, да успокоишь ихъ Богъ, и ихъ угрозы суть ничто иное, какъ шопъ же непостижимый гласъ судьбы, который внушилъ тебѣ мысль ополчиться на враговъ Мусульманскихъ — на дерзновенную Россію, осмѣлившуюся нарушить покой величественной Порты и удерживать руку, карающую невѣрныхъ и мятежныхъ Грековъ. Сей гласъ судьбы напоминаетъ тебѣ, чтобъ ты былъ еще дѣятельнѣе въ защищеніи правъ твоихъ. Тѣни предковъ твоихъ требуютъ мести: повели, Государь! умилоставишь пророка истребле-

ніемъ всѣхъ павныхъ Христіанъ . . . . .
 чистая кровь Мусульманъ требуетъ ме-
 сти. — Чшожь скажешь ты, мудрый
 Астрологъ? спросилъ Султанъ. Госу-
 дарь! отвѣщствовалъ онъ. Богъ снабдилъ
 человѣка не даромъ предвѣднїя, но
 даромъ разума; посредствомъ онаго и
 точнаго, безприсрасшнаго наблюденїя
 хода дѣлъ въ листахъ Исторїи, можно
 иногда предузнавать будущность; но
 толкованіе такихъ необычайныхъ видѣ-
 нїя разрѣшаетъ одно время!

Въ сію самую минуту вошелъ пре-
 пещущими ногами и съ смертною блѣд-
 ностію Намѣстникъ Великаго Визиря съ
 пакетомъ изъ корпуса Турецкихъ войскъ
 подъ Шумлею. Султанъ вскочилъ съ ди-
 вана своего, дрожащею рукою сорвалъ
 печать, быспро пробѣжалъ донесеніе и
 въ неистовствѣ выбѣжалъ изъ кабинета,
 приказавъ не объявлять народу о славѣ
 войскъ своихъ и о намѣренїи внести
 мечъ и огонь въ страны Христіанскія.

Важная депеша сія, разгадавшая
 странное видѣніе Султана, была доне-

сеніе о совершенномъ пораженіи Россійскими побѣдоносными войсками Верховнаго Визиря при деревнѣ Кулавѣ близъ Шумлы (16).

Слава Царю благочестивому! слава храброму воинству Рускому!

К О Н Е Ц Ъ.

З А М Ъ Ч А Н І Я .

1. Апмейданъ, такъ наз. въ Констаншинополѣ одна изъ главныхъ площадей города.
2. Родъ скуфейки; нынѣшній Султанъ запрешилъ ношеніе чалмы всѣмъ, кромѣ пошомковъ Магомеша и Иманамъ. Фески замѣнили чалмы.
3. Начальникъ бѣдныхъ евнуховъ и гвардейскаго корпуса Серая.
4. Судья.
5. Турецкій монахъ.
6. Придворный Каммергеръ.
7. Первенствующій духовный чинъ.
8. Меченосецъ Султана.
9. Или *Кебле*, озн. часть свѣща, къ которой Мослимы обращаются во время своей молитвы.
10. Имя сіе составлено изъ двухъ Персидскихъ словъ: *Падъ* т. е. хранишель и *Шахъ* т. е. Король или Государь.
11. Опшоманъ, одинъ изъ Эмировъ Султана Иконійскаго, основатель Турецкой монархіи, упоминается Исторіею ошъ 1299 года по 1326.
12. Слова Султанскаго Гаши Шерифа, обнародованнаго 20 Декабря 1827 года, см. Спаш. журнал. 1828, мѣс. Апрель.
13. Въ 1359 перешель онъ Геллеспонтъ, взялъ Галлиполи, ключъ Европы, и далеко проникъ во Фракію.

14. Горы Балканскія въ древности именовались *Гемъ*.
15. Владиславъ, Король Польскій, убитъ въ сраженіи подъ кр. Варною 1444. 10 Ноября. Его Императорское Величество указашь соизволилъ, по взятіи войсками Рускими Варны 29 Сентября 1828, воздвигнушь памятникъ Владиславу.
16. 1829 Года Мая 30 Главнокомандующій 2 ю армією Генераль-Адъютантъ Графъ Дибичъ разбилъ совершенно великаго Визиря съ 40 тысячною армією при деревнѣ *Кулавъ* подъ *Шумлою*, при чемъ взято въ плѣнъ 1,300 чел., убито болѣе 2,000, отбиты у непріятели 40 пушекъ, 19 знаменъ, въ числѣ коихъ знамя Пашинское, весь лагерь и обозъ сей арміи. —

(См. М. В. No 49, Прибавленіе.)

